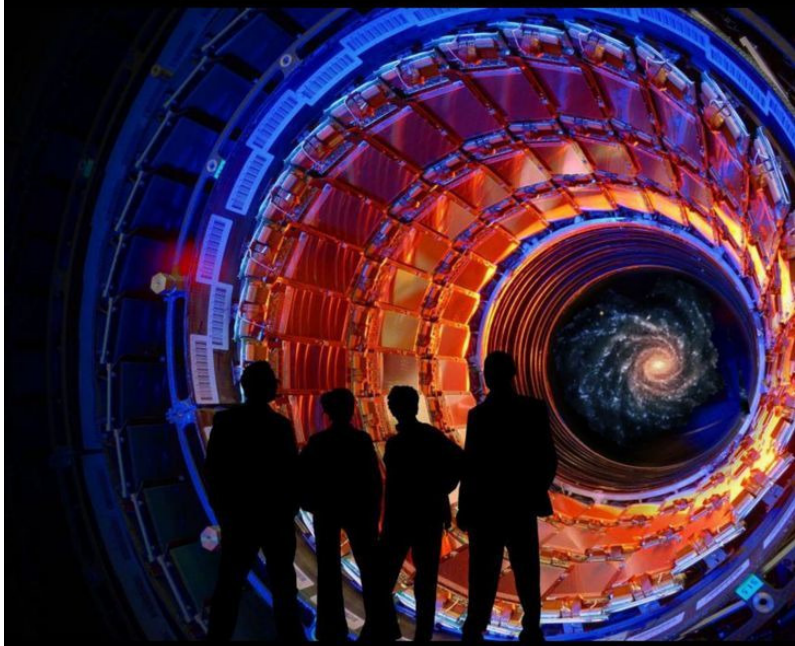

18+

Виталий Коновалов

Исследователи

Виталий Коновалов

Исследователи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42388870

ISBN 9785449667953

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. У Вас в руках – сборник автобиографических рассказов, которые только кажутся фантастикой. «Теория шести рукопожатий» рассказывает о реальных встречах с реальными людьми, а герои остальных рассказов списаны с меня самого и моих знакомых. Вот только котики пролезли в книгу сами, но ведь для них всегда найдется место.

Содержание

Люди, изучающие кварки...	5
Теория шести рукопожатий	6
Вместо предисловия	6
1. Белые акации – цветы эмиграции	9
2. Питер, Пушкинская, 10	18
3. Остров Дубна	25
4. Нобелевские лауреаты	36
5. Виталюрич	43
Твари дрожащие	47
Суши	47
Твари дрожащие	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Исследователи

Виталий Коновалов

Фотограф CERN

© Виталий Коновалов, 2020

© CERN, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4496-6795-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Люди, изучающие кварки...

**Электроны так элементарны —
Одинаковы, бездушны и просты,
Просто поля всплеск. Мезоны странны,
Кваркам не хватает красоты,**

**Что-то нет изюминок в моделях,
Все Стандартны, всё, как на подбор...
Новой Физикой умы беременели,
Но не разродились до сих пор...**

**Это просто глупые ремарки;
Бог творил Вселенную – любя.
Люди, изучающие кварки —
Кучки кварков, изучающих себя.**

Теория шести рукопожатий

Вместо предисловия

Говорят, наши желания непременно сбываются, но не просто так, а «рано или поздно, так или иначе». Надо только желание четко озвучить Мирозданию. Ключевое слово здесь – «четко». Все анекдоты про Золотую рыбку и джиннов, собственно, именно про это.

Тем не менее случается, что, как говорят французы, Бог дает человеку штаны, когда у него у него уже нет жо... задницы.

Мечтал я, чтобы была работа – по всему миру летать.

– Да пожалуйста, – отвечает Мироздание, – Заказывали? Получите, распишитесь.

– Эммм... спасибо, конечно, но ничего, что у меня маленький ребенок сейчас? Мне надо бы дома сидеть, а то знаете, они каждый день растут, меняются, боюсь пропустить что-нибудь...

– Хм... давайте проверим... Ну вот же Ваше желание: работа, путешествия. Про ребенка ничего не сказано. Расписываться будете? А то вон, вакансия грузчика в соседнем супермаркете свободна...

– А, ну да, конечно, спасибо большое...

Или мечтал, чтобы была любящая, умная, сексуальная, красивая жена и чтобы трое умных, красивых, талантливых детей. Получил. Есть такая. И трое детей есть. От двух других. Красивые, правда, и замечательные все трое – как заказывал.

– Так ведь это было два разных желания, – оправдывается Мироздание, – не очень было понятно... Вы бы хоть о семье правильной мечтали бы...

Или вот вообще дурь. Лет одиннадцать-двенадцать мне было, простительно. Хотел ученым стать и Нобелевскую премию получить. Не знал я тогда, что не работает оно, как у того рыбака – «Во-первых, Бентли, вилла на Багамах и сто миллионов долларов в швейцарском банке, во-вторых...»

Ученым стал. Известным даже. В узких кругах, правда. Во всем мире той же проблемой занимается человек триста. И все меня хорошо знают и уважают. И Нобелевскую премию я получил. За мир. С тремя с лишком тысячами таких же, как я, работников МАГАТЭ.

– Так все же, как заказывали! – удивляется Мироздание, – Вы же не мечтали, как денежную часть премии потратите! А Лауреат Вы совершенно официально, на этот счет специальное решение есть... знаете, как трудно было всех мечтунов о Нобелевке в одном месте собрать?

Короче, желания загадывать надо правильно. Простенькое что-нибудь, однозначное такое. «Хочу потрогать Великие Пирамиды, пройти по Великой китайской стене, Ели-

сейским полям и Дерибасовской, подняться на самое высокое в мире здание (пришлось это делать дважды, новое построили) и поехать в Африку на сафари».

И обязательно надо что-нибудь делать для исполнения желаний самому.

1. Белые акации – цветы эмиграции

В мире восьмилетних детей мода меняется стремительно. Вчера еще все ходили со спиннерами в руках, выпендриваясь друг перед другом оригинальностью формы и длительностью вращения, а сегодня их сменил «бейблейд» – волчки, сталкивающиеся на пластиковой арене. Вчера играли карточками Лего Нексо Найтс, сегодня уже покемонами. Альбомы для наклеек меняются с калейдоскопической быстротой...

Но есть и более стабильные ценности, у каждого свои. Например, фильм «Ёлки» и Майкл Джексон. Все пять (или сколько их там) серий фильма просматриваются даже в июле, а «Билли Джинс» будит ребенка без четверти семь. Каждый день у зеркала сын репетирует лунную походку – неплохо, кстати, получается. Пытается танцевать и петь так же, как кумир...

– А правда, что до любого человека всего шесть рукопожатий?

– Конечно, правда. Если быть точным, то в не менее чем 95% случаев цепочка не длиннее шести человек. Может быть и ни одного, как у нас с тобой.

– Да ну, ерунда. Ну вот какая может быть цепочка между мной и Майклджексоном?

– Сын, эта цепочка состоит из одного человека.

– То есть я жал руку кому-то, кто его знает?

– Если честно, это была мама, но, поскольку ты тогда как раз был у нее внутри, то можно считать, что и ты пожал руку доктора Евгения Аксенова...

...В маленький двухэтажный особняк в японском стиле, чудом уцелевший между небоскребами Токийского района Роппонги, я со своей беременной женой приехал утром 26 июня 2009 года. На выходе из метро мы были остановлены съемочной группой (плачущая девушка спрашивала нас, что мы знаем о Майкле Джеконе. Я с трудом вспомнил «Триллер». От нее же я впервые услышал о смерти музыканта, безумно популярного в Японии). Другая группа с аппаратурой неожиданно обнаружилась в приемной клиники, как две капли воды похожей изнутри на дом земского врача позапрошлого века. Тогда-то мы и познакомились с доктором Евгением Николаевичем Аксеновым, который помог нам получить место для рождения сына в госпитале Святого Луки, в том самом, в котором накладывали гипс на сломанную при падении с мотоцикла руку Рихарда Зорге... Дело в том, что в ноябре-декабре, через девять месяцев после цветения сакуры, в Японии наблюдается всплеск рождаемости и роддома переполнены. В хороший госпиталь можно попасть только по рекомендации уважаемого врача, и нам, как русским, посоветовали обратиться к нему.

Доктор Аксенов приехал в Японию из Харбина (где ро-

дился в семье русского эмигранта, бывшего владельца золотых приисков в Сибири и дочери немецкого горного инженера) в 1940 году, по протекции члена императорской семьи, чтобы учиться в медицинском университете. В годы войны зарабатывал, играя шпионов в пропагандистских фильмах Министерства обороны, а после оккупации Японии работал переводчиком в штабе генерала Мак-Артура, главнокомандующего оккупационными войсками союзников. Его подозревали в шпионаже американцы, японцы и даже КГБ, но каждый раз с извинениями отпускали. В 1945 году, когда государства Манджоу-го не стало, он оказался лицом без гражданства и прожил так до 2000 года, поэтому клиника его не входила в национальную систему страхования. Так и получилось, что клиентами его были, в основном, иностранцы. Зато какие! Джон Уэйн, Майкл Джексон, Эдвин Райшауэр, Жак Ширак, Бред Питт, Мадонна, Джеральд Форд, Ольга Лепешинская, Мстислав Ростропович, Галина Вишневская, Геннадий Рождественский...

Удивительно позитивный и оптимистичный человек. Рекомендация, которую он давал всем своим пациентам – чаще улыбайтесь!

С Евгением Николаевичем у нас нашлась общая знакомая, Татьяна Георгиевна Варшавская-Дерюгина, теплая дружба с которой началась морозным воскресным утром в православной церкви в Женеве. Оказалось, что она жи-

вет недалеко, в Ферне-Вольтер, знаменитом пригороде Женевы, на французской стороне границы. Я тогда подвез ее, чтобы она не мерзла, ожидая автобуса, даже не подозревая, что это была одна из самых удивительных встреч в моей жизни. Она родилась в Берлине в 1923 году; ее первым учителем Закона Божьего в Берлине был Иоанн Шаховской, будущий епископ Православной церкви в Америке, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский... Она была участницей одного из многочисленных «цветочных обществ», была арестована Гестапо в апреле 1945 года, но выжила. Она работала в Америке и в Швейцарии, она была ассистенткой Солженицына, на ее французской квартире останавливались писатели, следующие из СССР в эмиграцию: Виктор Некрасов, Владимир Аксенов и Александр Галич, у которой гостил Окуджава... Окуджава тогда очень хотел попасть в Женеву, но виза у него была только французская, и Татьяна Георгиевна отвезла его на гору Салев, и Булат Шалвович смотрел на Женеву, на озеро и фонтан Жет д'О сверху...

...В одном из разговоров с ней как-то к слову пришлось и я пожаловался, что не понимаю кокни. Она в ответ рассказала мне такую историю:

– Вы знаете, Виталий, я работала в Нью-Йорке с Александром Федоровичем, а он очень плохо говорил по-английски и всегда это объяснял тем, что учил британский английский. Мы поехали ним в Лондон и оказалось, что британский английский он тоже не понимает...

Я лоб поморщил и спрашиваю аккуратненько так:

– А о каком, собственно, Александре Федоровиче идет речь?

– Ну как о каком? О Керенском, конечно!

...В Берлине, будучи еще школьницей, Татьяна Георгиевна, несмотря на то, что семья ее тоже бедствовала, помогала русским военнопленным: передавала им еду и теплую одежду. В эту группу входил и ее одноклассник, Фома Тимофеев, сын профессора Тимофеева-Ресовского; он был арестован гестапо и расстрелян в тюрьме на Александр-платц. Профессор этого не знал, ждал освобождения советскими войсками, был арестован СМЕРШ, осужден... у Даниила Гранина, в романе «Зубр», все подробно описано.

Потом она стала работать в швейцарском посольстве, помогая перебираться в Швейцарию евреям и беглым военнопленным, делая для них фальшивые документы, за что и была арестована гестапо, но в суматохе апреля сорок пятого года она сумела спастись и перебраться за Эльбу, потом в Париж.

В пятидесятых годах Татьяна Георгиевна уехала в Америку, работала в русских эмигрантских газетах («Эдичка Лимонов – такой неприятный молодой человек... а с Сережей Довлатовым и его женой мы очень мило общались»), потом переводчицей в ООН.

Татьяна Георгиевна переводила на французский мемуары М. С. Горбачева... Одна из ее многочисленных подруг – Ма-

ша Воронцова, пра-пра... правнучка Пушкина.

Однажды, теперь уж и не узнать, зачем, понадобилось Татьяне Георгиевне найти в Женеве, на кладбище Планпале могилу Сонечки, дочери Федора Михайловича Достоевского, умершей от воспаления легких, потому что Федор Михайлович проиграл деньги, отложенные на ее лечение... В администрации кладбища ее спросили, не родственница ли она? А то, знаете ли, задолжал Федор Михайлович за могилу, почти за пятьдесят лет уже, и если не заплатить, то могилу снесут и кого-нибудь на свободное место похоронят... Она оплатила этот долг. И на двести лет вперед заплатила...

Татьяна Георгиевна – вдова писателя Владимира Сергеевича Варшавского, водившим в Париже знакомство с Иваном Алексеевичем Буниним и Надеждой Александровной Лохвицкой-Бучинской, более известной как Тэффи. Они даже похоронены все трое рядом на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, вместе поехали однажды и купили себе участки, по слухам, на Нобелевскую премию Бунина... Частью литературного наследия Надежды Александровны, как известно, является серия литературных очерков об известных людях, с которыми ей довелось встречаться за ее долгую жизнь: Григорий Распутин, Владимир Ленин, Илья Репин, Всеволод Мейерхольд...

Снова слово Татьяне Георгиевне: «Володя часто бывал у нас тут, в Ферне, он был очень большим другом моего му-

жа. Ну Вы же знаете, Володя, ну писатель, он еще жил здесь в отеле недалеко, в Монтрё... Ну как же его фамилия, запамятовала... Ах, ну да, Набоков!...»

Умерла Татьяна Георгиевна 9 января 2019 года. Светлая память и Царствие Небесное...

Лучшая подруга Татьяны Георгиевны – Ирина Сергеевна, баронесса фон Шлиппе, успевшая побывать и в октябрятах, и в гитлерюгенде, дочь Сергея Бернгардовича Фрëлиха, одного из создателей Комитета Освобождения Народов России и Российской Освободительной («Власовской») Армии и самого загадочного человека из окружения генерала Власова.

До войны дед Ирины Сергеевны владел в Риге фирмой по продаже и установке водонагревателей. Когда в Ригу вошли советские войска, фирму национализировали, а Ирину Сергеевну, которая как раз тогда пошла в первый класс, приняли в октябрята. Вскоре, как этнические немцы, семья эмигрировала в Германию. Когда немцы заняли Ригу, фирму вернули, а на доход, который она приносила, герр Фрëлих вел какую-то свою игру. После войны многие соратники обвиняли его в том, что он работал на французскую/английскую/американскую разведку. Версия Ирины Сергеевны – он делал это все ради младшего сына, имевшего с младенчества серьезные ментальные проблемы. Его существование приходилось скрывать, так как по расовым законам Рейха он был обречен на уничтожение. Сергей Бернгардович имел звание

оберштурмфюрера СА, соответствующее его званию капитана латышской армии, но не получал нигде жалования. Носил фельдграу, хотя не был членом НДСАП... Формально был офицером связи при генерале Власове, и его семья жила в одном доме с генералом... Ирина Сергеевна рассказывала мне и о самом Власове и о его кухарке, которая, как потом оказалось, имела задание НКВД Власова отравить: «Она делала замечательные пельмени и мы все их ели...» Кто знает, может быть, именно присутствие детей и удержало ее от того, чтобы положить яд?

После войны отец Ирины Сергеевны попал в лагерь военнопленных, но бежал. Потом ему пришлось скрываться от оккупационных властей, потому что ему грозило и осуждение за принадлежность к СА, и интернирование в СССР по Ялтинским и Потсдамским договоренностям, как советского гражданина...

...Шестнадцать лет от роду Ирина Сергеевна познакомилась с молодым офицером британской разведки, Томом. Он служил в Вене, а в Мюнхен приехал по каким-то делам. Ирина Сергеевна даже поехала к нему на свидание в Вену. Отец был страшно недоволен и запретил продолжать с ним какие бы то ни было отношения, опасаясь, что все это – операция Советов, чтобы его поймать и повесить. Ирина с Томом рассталась, он женился. Потом, когда развелся, пришел снова к ней, но тогда она была уже замужем и уехала в Тайпай. Когда и она развелась, Том оказался женат в очередной

раз. Они, наконец, стали жить вместе, когда ей исполнилось семьдесят, а ему было восемьдесят четыре. Умер Том в возрасте девяносто одного года...

Ирина Сергеевна активно занимается благотворительностью. На этом поприще она встречалась с Архиепископом Мюнхена и Фрайзинга, кардиналом Йозефом Ратцингером, который позже стал Папой Бенедиктом XVI.

По сей день на деревянной веранде старого дома с заросшим садом в пригороде Мюнхена собираются артисты, художники, писатели и просто друзья, пьют чай из самовара и говорят по-русски и о России.

2. Питер, Пушкинская, 10

Это сейчас там пафосный арт-центр, музей и отель. А в конце восьмидесятых годов прошлого века это был расселенный под капремонт дом, в котором полулегально поселились художники, артисты и музыканты. Аквариум и ДДТ там репетировали, у БГ альбом даже есть, «Пушкинская, 10» называется.

Жил там и театр «ДаНет» под руководством Бориса Юрьевича Понизовского. Борис Юрьевич – совершенно удивительный человек, сбежавший во время войны из школы-интерната и несколько лет скитавшийся по Средней Азии, нажившийся тогда, по его словам, абсолютной внутренней свободе. В восемнадцать лет, неудачно спрыгнув с «колбасы» трамвая, лишился обеих ног. Однако не отчаялся, не опустил, не сломался. Его адрес: Герцена, 35, квартира 1 был известен всему диссидентствующему творческому Ленинграду. У него бывали Леонид Аронзон, Иосиф Бродский, Евгений Рейн (который уже потом, много позже, маститым поэтом и редактором журнала приезжал в Дубну; на нашей «Поэтической гостиной» мы читали ему свои стихи, в результате появился сборник «Физики-лирики»); сам Борис Юрьевич обмолвился мне как-то, что был знаком с Ольгой Федоровной Берггольц и Анной Андреевной Ахматовой.

Я познакомился с Борисом Юрьевичем в Свердловске

в 1990 году, когда его театр приехал на гастроли в рамках фестиваля «Весна УПИ» – была (да и сейчас, кажется, существует) в Уральском Политехническом Институте такая смесь капустника, студенческой пьянки и идеологически выдержанной агитбригады. Из него выросли «Красная Бурда», первая команда КВН УПИ, а из нее уже, в известной степени, «Уральские пельмени». В описываемом году, в честь семидесятилетия Института, размах мероприятий был беспрецедентным. Как на фестиваль, организованный Комитетом Комсомола, пригласили авангардный, андерграундный и частный театр Понизовского – тайна сия великая есть. Я был тогда ответственным за побегушки при оргкомитете фестиваля. В мою задачу входило взять «РАФик», встретить группу на вокзале и отвезти в гостиницу «Урал». Когда я подошел к вагону, увидел двух молодых людей (как потом оказалось, Максим Исаев и Павел Семченко) которые пытаются спустить по ступенькам на низкую платформу инвалидное кресло. На кресле царственно восседал монументального вида торс человека с окладистой седой бородой, похожий на сурового Деда Мороза, от которого исходила прямо-таки физическая аура обаяния и уверенности. Ног не было.

Когда приехали в гостиницу и поднялись на третий этаж, Понизовский зычно окликнул идущего по коридору человека: «Эрнест!» и тот, обернувшись, бросился с Борисом Юрьевичем обниматься... «Эрнст Неизвестный» – представил его слегка ошалевшим присутствующим Понизовский...

скульптор приехал тогда на Урал выбирать на границе Европы и Азии место для задуманной им скульптуры – памятнику жертвам сталинских репрессий... Впечатление это на меня произвело колоссальное. Неизвестный был легендой, о нем только-только начали писать в перестроечной прессе, и тут на тебе, мне, девятнадцатилетнему, зеленому студенту (да еще и технарю) ТАКОЕ...

Тогда же я познакомился с Яной Туминой. Сейчас она известная театральная актриса, педагог и режиссер, лауреат премии «Золотая маска», а тогда ей было семнадцать лет, она то ли школу заканчивала тогда, то ли работала после школы, не поступив с первого раза в театральный институт... девушкой она была очень религиозной, а я тогда, в силу возраста, искал себя и свое место в мире. Как-то так получилось, что она стала моей крестной.

Понизовскому прием свердловской публики понравился, и он загорелся идеей приехать в Свердловск на гастроли еще раз. Я, совершенно не представляя, во что вляпываюсь, взялся их организовывать. Ничего, разумеется, в бардаке начала девяностых не получилось, но в Питер я под это дело съездил. Жил сначала на Пушкинской, 10, за кулисами театра «ДаНет», на полу, на каких-то тряпках, потом у тогдашнего администратора театра, Ольги Петровны Волкович.

Заходил на Пушкинскую я и в следующие свои приезды, последний раз виделся с Борисом Юрьевичем в 1992 году. Тогда началось его международное признание, спектакли

стали получать всяческие премии, брошки из монтажной пены, раскрашенные лаком для ногтей, которые он мастерил, когда думал, стали продаваться за большие деньги... и на самом подъеме его карьеры он упал на инвалидной коляске с лестницы и ударился головой...

...На надгробии он изображен сидящим спиной к зрителям, чуть обернувшись к ним, напряженно следящим за спектаклем. Именно так, как он написал в эпитафии к своей «Автобиографии»:

Давно он их просил:
на могильном камне нацарапайте
меня спиной к вашим глазам...

Надпись гласит: «Понизовский здесь».

...Ольга Петровна жила в бывшем доходном доме графа Епанчина на углу канала Грибоедова и Большой Подьяческой. Вот-вот, именно в том, в котором Настасья Филипповна деньги в камине жгла. Вообще, взяв в руки том Достоевского, можно было легко привязаться к местности и найти дом, в котором жила старуха-процентщица, посчитать число шагов от него до дверей Родиона Раскольникова (у меня получиось меньше, значит, я выше его ростом, хотя Федор Михайлович считает его высоким), найти выдающийся углом на Сенную дом, жилище Сонечки Мармеладовой...

Ольга Петровна на полном серьезе утверждала, что она – пра-пра... правнучка Петра Первого, что ее родословная

идет от дочери Елизаветы Петровны и графа Шувалова, а в доказательство показывала медальон с портретом Императора и локоном, якобы, Елизаветы, который передается в ее семье по материнской линии. Возможно, это и правда... Вернее, скажем так, имеющиеся исторические источники не позволяют полностью исключить такого развития событий.

За помощью в организации гастролей я отправился к Леониду Федоровичу Быкову, полному тезке и однофамильцу знаменитого актера, директору свердловского ДК «Автомобилист». Леонида Федорвича почти никто не звал по имени-отчеству, чаще просто «Лёней», был он маленького роста, сухонький, говорил трескучим тенорком и всегда носил темно-синий берет, который призван был прикрывать лысину. Дом культуры под его руководством имел славу самого интеллектуального заведения города, слегка фрондерского даже при Великом и Могучем – чего стоит один рок-фестиваль в 1983 году – а в годы Перестройки Быков устраивал весьма смелые эксперименты, и как-то ему это сходило с рук.

Одним из таких экспериментов была «Выставка искусства хиппи», на которой оказались работы совершенно разных жанров, направлений и сильно отличающиеся по художественной ценности. Сейчас эту выставку прихлопнули бы за одну пропаганду наркотиков. Вокруг выставки немедленно образовалась тусовка «неформальной» молодежи. По-

скольку у меня были каникулы после первого курса, и, соответственно, море свободного времени, я к этой тусовке прикнул. Были там Саша Холкин, Сергей Бобунец и первый состав группы «Смысловые галлюцинации». Называлась она тогда «Сара Гопату и ее бедные дети», а исторический момент переименования на ступеньках Дома Архитектора, куда вместе с тусовкой переехала выставка, запечатлен на фотографии, на которой в уголке скромно сидит Ваш покорный слуга с пластинкой группы «Кино» в руках. Кажется, фотография сделана именно в тот день, когда все пошли на «квартирник», где пела Янка Дягилева. Собирались мы и в «букашнике», в подвале дома номер пять по улице Толмачева, где была мастерская Б. У. Кашкина, Евгения Михайловича Малахина, самобытного художника, музыканта и скомороха. Каждому, кто приходил к нему в подвальчик, он вручал кусочек фанерки и диктовал маленький стишок, что-нибудь вроде «Если взять цифру пять и на два поделить притом, два придется сперва написать, а пять получать уж потом». Требовалось нарисовать на фанерке иллюстрацию. Отговорки «я не умею рисовать» не принимались, а фанерки эти с лубочными картинками Букашкин доставал из огромного мешка и дарил прохожим в скверике возле ЦУМа... Может быть, у кого-то и сохранились лубочные картонки, подписанные «Сочинял Б. У. Кашкин, рисовал К. Чеширский» (или, если места было мало, то «Ч. Кот»), которые малевал я.

Хорошие отношения с Быковым у меня остались. Ходил

я к нему на встречи клуба любителей фантастики, где часто выступали Владислав Крапивин и Сергей Другаль, а на «кинолекторий», на котором Леонид Федорович умудрялся показывать фильмы Тарковского и Параджанова, водил девочек. Иногда просто заглядывал на чай, которым он угощал всех, заходящих в его кабинет.

Когда Александр Сокуров представлял свои «Дни затмения» в самом престижном в городе киноконцертном зале «Космос», он одновременно устроил показ «Одинокого голоса человека» в ДК «Автомобилист». На афишах этого мероприятия не было, но я о нем узнал. А с Виталием Каневским я пил чай после показа «Замри – умри – воскресни».

ДК «Автомобилист» больше нет, здание, в котором он располагался, вновь стало храмом...

Из Свердловска, который успел к тому времени снова стать Екатеринбургом, я уехал в начале 1992 года, учиться. В Дубну.

О Дубне – в следующей главе.

3. Остров Дубна

В Дубну я попал благодаря профессору Виктору Иосифовичу Гроховскому, человеку и астероиду. Ну то есть это он сейчас профессор, ставший знаменитым благодаря Челябинскому метеориту и астероид в его честь назван, а тогда, в 1991 году, он был доцентом, заведовал лабораторией неразрушающего контроля качества и занимался исследованием внеземного вещества. В качестве студента «на науке» я готовил шлифы метеоритов для микроскопического исследования. Мерно, «восьмерками», водил кусочком космического булыжника по стеклу, намазанном пастой с алмазами субмикронного размера. Получающаяся при этом пыль намертво въедается в поры на кончиках пальцев и сходит только вместе с кожей. Зато, когда меня спрашивали, в чем я испачкал руки, я гордо отвечал: «В звездной пыли пополам с алмазами». Не врал, что характерно, но мне все равно никто не верил...

После третьего курса студентам полагалось проходить «производственную практику». Проблема была в том, что курс у нас был двойного размера – студентов перестали брать в армию, а тех, кого взяли, вернули. А мест для практики осталось, как раньше. Поэтому меня прямо к Гроховскому и определили, чему он совершенно не был рад, ибо на это время планировал отпуск. Я возьми и ляпни: «Ну

Вы же всех знаете, может быть, Вы устроите меня на практику в какое-нибудь приличное место, в Серпухов, например, или в Дубну...» Виктор Иосич посмеялся наглости студента, захотевшего в мировые научные центры, а через три дня я нашел на своем столе в лаборатории записку: «Виталий, дождитесь меня, надо поговорить насчет Дубны. В.И.Г.»

Так я и оказался в августе 1991 года в Дубне. Разумеется, не удержался и во время «путча» метнулся в Москву. Поехал на Манежку, застал там деморализованных танкистов. Капитан, сидящий на броне, на прямой вопрос «А кто вами командует?» протянул мне шлемофон, в котором слышны были только атмосферные шумы, и зло ответил: «Да х... их там знает!» Они должны были бы не пущать демонстрацию, несущую трехсотметровый триколор, но расступились. Видел Гавриила Попова, выступавшего с балкона здания Моссовета на тогда еще улице Горького, и Бориса Ельцина, стоящего на танке.

Тогда, в конце прошлого века, в Дубне, в Объединенном Институте Ядерных Исследований работали Джелепов и Мещеряков, Балдин и Боголюбов... Ездил, несмотря на прогрессирующую болезнь Паркинсона, по дорожкам Института на своем знаменитом велосипеде, страшно редкой и дорогой «Каме» с переключением передач, Бруно Максимович Понтекорво. Ездил, не держась за руль и на ходу читая кни-

гу. Это про него пел Высоцкий, в «Марше студентов-физиков», помните?

Пусть не поймаешь нейтрино за бороду
И не посадишь в пробирку
Но было бы здорово,
Чтоб Понтекорво
Взял его крепче за шкуру!

Бруно Максимович человеком был легендарным. Родился он в Италии, в Пизе, и до войны работал в группе Энрико Ферми, более известной как «Ребята с улицы Панисперна», открывшие в 1934 году замедление нейтронов, что и стало десять лет спустя ключом к постройке Энрико Ферми первого ядерного реактора. Работал Понтекорво и в лаборатории Ирен и Фредерика Жолио-Кюри, дочери и зятя Марии и Пьера Кюри. Про него ходило множество слухов, например, что из Италии ему пришлось срочно эмигрировать, потому что он завел роман с Кларой Петаччи, любовницей Бенито Муссолини, и что он передавал секреты ядерного оружия в СССР... А я ходил на семинары к нему и к Венедикту Петровичу Желепову в Лабораторию Ядерных Проблем...

Это было время развала СССР, социальных потрясений и смелых экспериментов, в том числе и в области образования. Вот и ОИЯИ организовал «Учебно-научный центр»; лекции читали преподаватели из МГУ и МИФИ и ведущие ученые Института. Я в тот центр буквально напросился, взя-

ли, спасибо тогдашнему завкафу нашему, Профессору Борису Владимировичу Шульгину. Тогда же, в процессе переговоров, я впервые познакомился с Юрием Цолаковичем Оганесяном, только-только ставшим директором Лаборатории Ядерных Реакций. Потом часто с ним встречались на конференциях по физике деления, в конце концов, деление и синтез сверхтяжелых – один процесс, просто обращенный во времени. Сейчас он академик, знаменит серией синтезов сверхтяжелых химических элементов, и элемент 118 назван в его честь Оганесоном. Номер 105, кстати – Дубний.

В ЛЯР к Оганесяну я, правда, не попал, а стал работать в Лаборатории Нейтронной физики имени своего первого директора, Ильи Михайловича Франка, Нобелевского лауреата. Лабораторию эту как-то почтил визитом сам Нильс Бор в компании со Львом Ландау, и тогда работали еще люди, которые помнили этот визит... После некоторого периода дрейфа в поисках интересной темы я оказался в группе доктора физ.-мат. наук Юрия Сергеевича Замятина и членкора Владимира Иосифовича Мостового, появляющегося наездами из Москвы, он тогда работал в Курчатнике. Обоим тогда было прилично за семьдесят, оба начинали свою карьеру в ядерной физике работой над «Устройством РДС-1», первой советской атомной бомбой... Становление ядерной физики прошло через их руки, удивительно, какие красивые и точные эксперименты они умудрялись ставить, особенно,

учитывая, насколько лимитированы они были в аппаратуре и времени...

Юрий Сергеевич поступил на физфак МГУ еще до войны и был однокурсником Андрея Дмитриевича Сахарова. По семейным обстоятельствам в эвакуацию с Университетом не уехал, а работал в Москве на заводе. Когда вышел приказ отозвать с фронта всех ядерщиков, его с завода не отпустили – завод ведь не фронт – и он поехал к Курчатову. Не прошло и недели, как к заводу подъехал черный ЗиС с распоряжением «немедленно откомандировать Замятина Юрия Сергеевича в распоряжение НКВД»; именно это ведомство заведовало ядерным проектом. ЗиС отвез его на Октябрьское поле, в «Лабораторию номер два». Скоро его перевели в Город, как называли совершенно секретный советский ядерный центр, где он снова встретился с Сахаровым. Они даже дружили семьями, пока, по словам Юрия Сергеевича, Елена Георгиевна Боннэр не вытоптала круг общения мужа, заменив его интересными и полезными ей людьми. Теперь уже и не проверить.

Юрий Сергеевич первым в СССР определил минимальную массу плутония, необходимую для создания ядерного заряда. Сделал он это под руководством Георгия Николаевича Флерова, который потом стал директором ЛЯР, а когда он скончался, его сменил Юрий Цолакович. Флеров открыл спонтанное деление урана, его работа над первым ядер-

ным зарядом не может быть переоценена и потом именно он инициировал поиск сверхтяжелых элементов – но все-таки известен «дедушка» своим письмом Сталину, в котором он обосновывал необходимость срочно начинать работу над ядерным оружием, чтобы не отстать от Германии и Америки, которые уже эту работу начали. К такому выводу Георгий Николаевич пришел в Казани, в госпитале, обнаружив, что из научных журналов исчезли статьи по урану... Письмо это сыграло в СССР примерно такую же роль, как знаменитое письмо Эйнштейна Рузвельту. К вопросу о тесноте мира: в том же госпитале лежал мой дед, которого я не видел ни разу в жизни, Сергей Афанасьевич Адамович, раненый на Карельском фронте...

Позже Юрий Сергеевич предложил метод «невзрывных цепных реакций», который позволил отказаться от полномасштабных ядерных испытаний – и сделал это на несколько лет раньше, чем до аналогичного метода додумались американцы. Надо ли говорить, какое преимущество получил Советский Союз в условиях «холодной войны» и гонки ядерных вооружений? Когда взрывали РДС-6С, «Слойку Сахарова», первый термоядерный заряд, точнее, систему «деление-синтез-деление», Юрий Сергеевич предложил радиохимический метод доказательства термоядерной природы второго деления, по концентрации симметричных осколков. Инициатива, как известно, наказуема исполнением, поэтому ему выдали «козлика», солдата-водителя и пустую кон-

сервную банку и отправили по радиоактивному следу, собирать «харитонки», застывшие капельки оплавленной породы, поднятой взрывом (эти стеклянные шарики назвали так в честь Юлия Борисовича Харитона, руководителя Института в Городе; во всем остальном мире они известны под названием «тринитрит», так как впервые они образовались во время испытания «Тринити», самого первого рукотворного ядерного взрыва на планете) ... доказательство было получено, правда, ценой радиационных ожогов роговицы, последствия которых мучали его всю жизнь. Часть тех «харитонков» он хранил у себя в сейфе. Я их в руках держал, благо, почти все продукты деления к девяностым годам уже распались, только цезий остался...

Не очень удивительно, что Юрий Сергеевич был полным кавалером Ордена Трудового Красного знамени...

Владимир Иосифович всю жизнь проработал в Москве, в «Лаборатории номер 2», сейчас – Федеральный научный центр «Курчатовский институт», решал проблемы транспорта нейтронов, изобрел вращающийся щелевой нейтронный монохроматор и, кроме того, был Героем Советского Союза за подвиги на фронте. Он был артиллерийским разведчиком. Рассказывают, что Игорь Васильевич Курчатов, придя на его защиту диссертации, очень удивился, что она кандидатская, а не докторская. Ученый секретарь начал что-то лепетать про формальное оформление работы, на что Курча-

тов просто вырвал из нее титульный лист и написал от руки другой.

Владимир Иосифович рассказывал мне такую баечку про «Бороду», как за глаза называли Курчатова: задержались они с ним вдвоем ночью на установке, что-то там срочное надо было измерить. Для проверки было бы надо грубо прикинуть спектр нейтронов, но кладовщик, который мог выдать полиэтиленовые блоки, чтобы набрать замедлитель разной толщины, уже ушел. Игорь Васильевич, выглянув в щелку из дверей лаборатории, увидел, что охрана играет в карты – и карты немедленно конфисковал. Они оказались достаточно засаленными, чтобы сработать, как замедлитель нейтронов, и нормировка была произведена...

В 1996 году в Дубне проходила международная конференция «История Советского Ядерного Проекта», более известная под своей английской аббревиатурой «HISAP-96». Юрия Сергеевича Замятнина пригласили сделать доклад, но, к глубокому его сожалению, нужно было представить электронную копию доклада и иллюстрации для демонстрации на экране. PowerPoint тогда не успела еще стать де-факто стандартом презентаций. Несмотря на свой весьма почтенный возраст, Юрий Сергеевич с компьютером был знаком, но все-таки на «Вы», поэтому он попросил меня помочь ему подготовить доклад, пообещав мне за это пропуск на все три дня конференции.

Для двадцатипятилетнего меня эти три дня стали шоком. Я сходил на доклад Константина Антоновича Петржака, где он рассказывал об истории открытия спонтанного деления (вместе с Флеровым, они тогда у Курчатова аспирантами были), познакомился с Альбертом Гиорсо, более, чем полвека проработавшим с Гленном Сиборгом, в честь которого назван 106й элемент. Кстати говоря, считается, что именно терки Флерова и Сиборга за приоритет привели к тому, что Нобелевский комитет решил больше не давать премий по химии за открытие новых элементов. Вслух Нобелевский комитет, естественно, ничего такого не говорил. Тем не менее, Альберт Гиорсо является обладателем сертификата Книги Рекордов Гиннеса как человек, открывший наибольшее количество химических элементов.

Самым запоминающимся знакомством на этой конференции стал полковник ГРУ Владимир Борисович Барковский. Буквально через пару месяцев после этой конференции вышел указ Президента Российской Федерации о присвоении ему звания Героя России. Его рассекретило руководство ГРУ, возмущенное воспоминаниями генерала Судоплатова, бывшими, по его, руководства, мнению, фальшивкой. Именно Барковской завербовал Клауса Фукса (который, кстати говоря, после возвращения в ГДР несколько раз посещал Дубну), главного источника данных для советской разведки по проекту «Энормоз». Встретив его на перерыве, я задал ему вопрос о супругах Розенбергах... его реакция оказалась

неожиданной: «Я пойду вон туда за угол, ты иди туда же через две минуты»; когда я присоединился к нему, огляделся по сторонам: «Теперь говори...»

Не выдавали Розенберги ядерных секретов. Шпионами они, действительно, были, но вот брат Этели Розенберг, Дэвид Грингласс, который их и сдал, передавал информацию через другой канал, Гарри Голда.

На общей фотографии Владимир Борисович не виден – он спрятался за мою спину. Профессиональная деформация...

Занятия наукой, да еще и под руководством таких людей – дело, безусловно, романтическое. Шутка ли, отгадывать загадки самого Создателя об устройстве мира... вот только зарплаты ученых в девяностые годы были совсем уж нищенскими. Разнообразные гранты были серьезной поддержкой, но крайне нерегулярной, приходилось выкручиваться. В какой-то момент я попал учителем физики в школу «Гармония» при которой некоторое время существовал детский оперный театр под патронажем самой Любови Юрьевны Казарновской. Она приезжала, проводила для учеников школы мастер-классы, и даже согласилась дать в Дубне благотворительный концерт для поддержки талантливой молодежи. Самым большим залом в городе в те времена был ДК «Октябрь», на четыреста, кажется, мест. Я для этого концерта билеты печатал. Макет придумал, Любовь Юрьевна сказала, что таких красивых билетов в России у нее еще не было...

Концерт, знаменитая ее программа «Я почувствовала ритм» таки состоялся, хотя, кажется, никто в городе в такое чудо не верил...

В какой-то момент оказалось, что и на школу, и на науку меня не хватает. Решение принять у меня никак не получалось, и однажды, как раз когда я бежал на урок в школу, я встретил на площади Мира Андрея Александровича Говердовского. Сейчас он Генеральный директор Физико-Энергетического Института в Обнинске, а тогда у него была маленькая экспериментальная группа, занимавшаяся физикой деления и в сотрудничестве с нашей лабораторией он предложил тогда эксперимент в ЦЕРНе. Он спросил, куда бегу, выслушал мои сомнения и сказал: «Бросай эту ерунду, будем делать большую науку»... Я послушался и через некоторое время поехал в командировку в Женеву. Командировка была на три месяца, но растянулась на три года, да и после этого, вот уже семнадцать лет, в Россию я не вернулся.

Но это уже совершенно другая история.

4. Нобелевские лауреаты

К моменту разговора с Говердовским, которым закончилась предыдущая глава, я уже не был молодым и зеленым, как венгерской горошек. В моем активе был спроектированный и собственноручно построенный (на 90% – из материалов, найденных на свалке) нейтронный канал на реакторе ИБР-30, умение делать быстрые детекторы деления, которыми я успешно измерил маленькие (а значит, трудные в экспериментальном отношении) сечения деления высокоактивных младших актинидов, в том числе, впервые в мире измеренное сечение деления урана-234 тепловыми нейтронами.

Идейным вдохновителем и научным руководителем проекта, на который меня пригласили в ЦЕРН, был Профессор Карло Руббиа, Нобелевский лауреат и бывший Генеральный Директор ЦЕРН, «и протчая, и протчая, и протчая». По популярности в Италии его в те времена обгонял только Иоанн Павел Второй. Именно в бытность Карло руководителем ЦЕРН, была подписана декларация, которая гласит: «ЦЕРН согласен разрешить всем бесплатно использовать web-протокол и код... без авторских отчислений и прочих ограничений»... Изобретателя Всемирной Паутины, Тима Беренса-Ли, кстати, я тоже однажды видел на праздновании пятидесятилетия ЦЕРН.

Группа Карло Руббиа работала на нейтронном источнике, который был построен в старых туннелях ЦЕРНовских ускорителей и использовал «лишние» протоны, остающиеся от БАК, который, правда, тогда еще только строился. Задачей группы было получение данных для расчета «умножителя энергии», концепции, незадолго до того предложенной Карло Руббиа. Иногда это устройство называют «Руббиатрон», это подкритический реактор, который управляется протонным ускорителем. И с измерениями сечений у них что-то пошло не так.

В ЦЕРНе Карло официально считался пенсионером, зарплаты не получал, и, к тому же, у него было множество других должностей, в частности, президент ENEA, итальянского национального исследовательского агентства, поэтому в своем кабинете он появлялся нечасто, в основном, по субботам. Какой-то ушлый журналист подсчитал даже, что Карло перемещается по планете со средней скоростью около сорока километров в час. Через пару дней после приезда мне сказали, что он приедет завтра и надо бы ему представиться. Я постарался одеться поприличнее (что было не очень легко, приехал в Женеву я вообще без денег, в первый вечер мне даже пришлось стрельнуть двадцать франков на ужин у своего непосредственного начальника, который встретил меня в аэропорту) и сел ждать аудиенции. В тот день она не состоялась, перенеслась на через день, поэтому следующим утром я честно пришел в штанах, в которых удобно ворочать же-

лезки – это занимает львиную долю времени физика-экспериментатора. Белые халаты – это уже очень сильно потом. И вот иду я такой, пыльный слегка, потому что рабочее место в мастерской расчищал, по коридору, а навстречу мне идет Нобелевский лауреат, Гарвардский профессор, итальянский министр (хоть и без портфеля), и вообще, общепризнанный гений. Коридор узкий, Карло большой. Разойтись невозможно, сделать вид, что не заметил, тем более; туннелировать сквозь пол не получилось. Как заговорить со светилом такого масштаба, тоже непонятно.

– What are you doing here?¹ – вопрос в лоб от гения чуть не сшиб меня с ног. Нуу... Работаю. Вот сегодня мебель двигаю и старый металлолом выкидываю, именно сейчас прервался на минутку, в туалет ходил...

– I am from Dubna, preparing FIC detector²... – пискнул я.

– Oh, you are that Russian who trying to save our asses! Good luck!³ – Нобелевский лауреат крепко пожал мне руку и скрылся за дверью, из которой я только что вышел...

И что теперь, руку не мыть?..

Очень итальянский темперамент Карло, в сочетании с его немаленьким ростом и весом, людей обычно пугали, хотя, вроде бы, телесных повреждений он никому не наносил.

¹ Что Вы тут делаете?

² Я из Дубны, готовлю детектор FIC...

³ А, тот самый русский, который пытается спасти наши задницы! Удачи!

Взрывался он от малейшей искры, орал не стесняясь, но и уходил быстро. Так получилось, что большинство суббот я тоже проводил на работе, вернее, в Интернете, дома у меня его не было, поэтому с господином Руббиа пересекался регулярно. Случалось, что бывал его единственной жертвой.

– What is that bullshit?⁴ – от дверей в меня летит черновик статьи. Означенный bullshit заботливо, но эмоционально, даже бумага порвалась, обведен, чтобы я не задавал лишних вопросов. Мнда, действительно, третьему пику тут взяться неоткуда.

– This particular simulation was done by⁵...

– I don't care. There is your name on the paper. Tomorrow you will show me correct diagram!..⁶ – покажу, конечно, куда я денусь. В воскресенье, ага...

– Oh, you are here! Good! Come, I need you! – Нобелевский лауреат, в носках, без пиджака и галстука, возбужденно жуящий потухшую сигару невероятных размеров, стоит на пороге комнаты, – Quick!⁷

Бегу за ним в его кабинет. На самом деле, в святая святых я первый раз в жизни. Шкафы с книгами, фотография

⁴ Это что за херня?

⁵ Вот именно этот расчет делал...

⁶ А мне все равно. Ты эту статью тоже подписал. Завтра покажешь мне правильный график.

⁷ О, ты здесь. Хорошо. Ты мне нужен, пойдём. Быстро!

хозяина кабинета, пожимающего руку Папе Римскому, еще одна – с церемонии вручения Нобелевской премии, с королем Швеции. Рядом на стене – диплом Нобелевского лауреата. Дипломы эти, между прочим, лучшие художники от руки выполняют.

– Come here! Look, what I invented⁸ – Карло разворачивает в мою сторону монитор и начинает объяснять. На экране – концепция ядерного межпланетного корабля. Если сделать очень высокотемпературный ядерный реактор, основная часть энергии перейдет в фотоны. Поставить получившуюся лампу в фокус параболического зеркала – и вот вам космический корабль для полёта на Марс. Двадцать тонн долетит за месяц.

– Did you got it? – Карло разве что не подпрыгивает от нетерпения, – Tell me now where I am wrong!⁹

Это Вы меня спрашиваете, Сеньор Руббиа? Серьезно? Вы требуете критики в адрес Нобелевского лауреата и общепризнанного гения, от меня, мэнээса из Дубны, даже не кандидата? Прямо в глаза? Какого черта, Карло? Боги не ошибаются! Тем не менее, сажусь в кресло, еще теплое после Нобелевского лауреата, разбираюсь. Возражения против слишком высокой температуры реактора гневно отменяются: «Это инженерная задача, не сделают сейчас, сделают через сто лет. Ищи принципиальные ошибки!» Очень способствует неза-

⁸ Иди сюда, смотри, что я изобрел

⁹ Ты понял? Теперь рассказывай мне, в чем я неправ!

Однажды Карло целый день ходил по коридорам, показывая всем книгу Дэна Брауна «Ангелы и демоны», и рекомендуя всем ее прочитать, аргументируя тем, что там в конце его убивают. Правда, внешность Максимилиана Колера, директора ЦЕРН в романе, больше напоминает Стивена Хокинга, но характер его явно списан у Карло. Кроме того, Карло тоже стал ученым против воли отца, который прочил ему медицинскую карьеру и отказался оплачивать обучение физике. Говорят, Карло зарабатывал на учебу, играя в покер. Интересно, как ему удавалось делать покерфейс?

Был в этой группе еще один Нобелевской лауреат, Жорж Шарпак, который, правда, большую часть времени работал в Париже, однако, пару раз мне посчастливилось и с ним встретиться. Он родился в Польше, в еврейской семье, которая переехала в Париж, когда ему было семь. Во время войны был в Сопротивлении, арестован вишистской полицией, депортирован в Дахау, но выжил. Он тоже упоминается в одном из эпизодов книги Дэна Брауна

В один из приездов в Россию с отчетом о проделанной работе увидел на стене лаборатории объявление: «такого-то числа в Большом конференц-зале ФИАН Виталий Лазаревич Гинзбург будет повторять свою Нобелевскую лекцию,

запись у ученого секретаря». Записался, конечно. Пришел очень сильно заранее, сел поближе, ряду на пятом – ближе бумажки лежали, типа, зарезервировано... Передо мной сел не кто иной, как Профессор Сергей Петрович Капица, известный абсолютно всем, родившимся в СССР, «краснобай и баламут», ведущий передачи «Очевидное-Невероятное» и вообще неординарный человек. Начать с того, что его крестным был Иван Петрович Павлов, тоже Нобелевский лауреат. А уж о папе его, Петре Николаевиче Капице, Нобелевском лауреате, который у самого Резерфорда работал, написано столько, что повторяться как-то даже неприлично...

Виталий Лазаревич не просто повторил свою лекцию, он много рассказывал о себе, о Льве Давидовиче Ландау, который когда-то принимал у него «теоретический минимум», а тогда Виталий Лазаревич принимал его, измененный под изменившуюся физику, у молодых теоретиков; о проблемах современной физики, а в заключение сказал, что завидует молодым физикам, потому что им предстоит увидеть еще много интересного...

5. Виталюрич

Я вернулся в Дубну, город, в котором прожил почти пятнадцать самых насыщенных лет своей жизни, ровно через четверть века после первого приезда, день в день, минута в минуту – на той же самой утренней электричке. Прошел тем же маршрутом – от станции к гостинице, и уже подходя к ступенькам, загляделся на идущую мне навстречу женщину – молодую, около тридцати, рыжую, высокую, яркую... Поравнявшись со мной, она радостно улыбнулась, сказала «Здравствуйте, Виталюрич» и упорхнула, не дожидаясь моего ответа...

Виталюрич... одна из страниц моей биографии, которая до сих пор вызывает у меня чувство неловкости, беспомощности и стыда, ибо нельзя идти туда, не имея искры Божией. Школа.

Когда-то я был школьным «физиком». Целый год. Всего тридцатилетним, но, по мнению моих учениц, уже стареньким... Тем более, я тогда бороду отрастил. Для солидности и авторитету. Правда, не помогло. Мое, не самое легкое, имя-отчество было сокращено до одного слова, которое, заодно, стало и моим прозвищем.

Впрочем, с шестым классом вообще никаких проблем не было. Знай, пересказывай своими словами старый добрый учебник Перышкина. Главное, не увлечься и не начать инте-

гралы на доске писать.

Восьмой класс тоже, в общем, терпимо. Они еще сами не просекли, что в жизни происходит, и в одном месте все еще продолжает играть детство, лишь иногда устраивая странные выверты. Например, подскажет бросить за шиворот девочке впереди муху и посмотреть, что получится. На уроке физики, а то. Это ж эксперимент же. Результат им не понравился: я отправил визжащую девочку в туалет вытряхивать муху, а потом выгнал двух пацанов с урока. Она им в коридоре и вломила – у нее было преимущество в весовой категории.

Еще с ними была история на конкурсе чтецов. Тут надо сказать, что я в те времена был более или менее популярным поэтом в масштабах этого небольшого наукограда. Поэзия приносила денег еще меньше, чем наука, поэтому, собственно, я и оказался в школе. Она была частной и в ней хоть что-то платили. Главное, регулярно.

Так вот, конкурс. Чтиц, в основном. С настоящим поэтом в жюри. Девочка одна выучила стихотворение любимого учителя и прочитала «с выражением», преданно глядя ему, ну то есть мне, в глаза.

Вот это:

Когда горячая и душная волна
Нас тяжестью свинцовой захлестнула
И в точку всю Вселенную замкнула,
И счастье мы извели сполна,

Когда забыли и о страхе, и о боли,
То в наступившей мертвой тишине
Какой-то ангел подлетел ко мне
И тихо мне шепнул: «Memento mori...»

Одиннадцать лет девочке, на минуточку... Ну или двенадцать. Смеяться этика учителя не позволяет. Сказать «Пупкина, ты что, дура?» – вообще непедагогично... Учительница литературы потом смотрела на мою фалломорфировавшую рожу, хохотала до слез и клялась, что про засаду не знала... Вряд ли.

Но адом восьмидесятого уровня был одиннадцатый класс. Десять человек, разделенных на две группы: тех, кому надо будет сдавать физику при поступлении, и тех, кому не надо. Никого не удивляет, что разделение совпало с таковым по половому признаку? То есть имелось четверо мальчиков, которые рыли землю пять часов в неделю, и шесть девиц шестнадцати-семнадцати лет от роду, которых два часа в неделю мне приходилось грузить какой-то совершенной для них непонятностью... Я был молод, не так давно разведен, периодически одинок и совершенно не представлял, что такое девушка в пубертате (ну не считать же, в самом деле, опытом – общение с одноклассницами за тринадцать лет до того). Поэтому в класс зашел смело, совершенно не догадываясь, что иду в клетку с львицами... В головушибанул запах адской смеси прогестерона с эстрогеном и не самым

дорогим парфюмом, в глазах поплыл туман, а я нашел в себе силы сказать: «Здравствуйте, я ваш новый учитель физики. Меня зовут...»

Через два часа, когда львицы уже лениво догрызали окровавленные останки моего самообладания, прозвенел, наконец, звонок и положил конец моим мучениям. Они вышли, радостно щебеча, а я открыл окно и высунул голову на январский ветер...

Зато теперь я Знаю. Если вдруг вас начнут соблазнять гурии, т.е., прокурорского возраста девственницы в боевом макияже, коротких юбках и расстегнутых до третьей пуговицы блузках, стреляя глазами, поправляя колготки и ляпочки на лифчиках, то, чтобы они сгнули, нужно сказать заклинание. Вот оно: «Девушки, откройте задачник Рымкевичей, страница 39, задача 164»...

И вот одна из них только что прошла мимо меня. Ей столько же, сколько мне было тогда. Эй, кто тут старенький, а?

Твари дрожащие

Суши

Кто сказал, что девушки бывают либо умными, либо красивыми? Вот, полюбуйтеесь хотя бы на Леночку, победительницу региональной студенческой олимпиады по японскому языку.

Полюбоваться, и правда, было на что, Ваня не мог оторвать глаз от девушки на сцене. Стройные ножки, точеная талия, грудь честного третьего размера, пухлые губы и огромные, чуть-чуть раскосые карие глаза. Теперь она поедет в аспирантуру в Киото, так никогда и не узнав, что Ваня влюбился в нее с первого взгляда и на всю жизнь. Правда, в полуфинале, когда заданием был диалог с партнером и Ваня оказался в паре с Леночкой, он попытался что-то такое ей сказать, но она так технично его отшила, что он «потерял лицо» и, поскольку судьями были японцы, на этом олимпиада для него закончилась...

...Ваня отошел от окна, за которым шумел вечерний Токио и снова посмотрел на экран. Несомненно, анкету в группе знакомств разместила Леночка. Фамилия, правда, другая, но за пять лет она могла неоднократно успеть выйти замуж и развестись.

Ваня написал «Привет» и с замиранием сердца стал ждать ответа. Когда завязалась беседа, у них быстро нашлись общие темы и знакомые, что не очень удивительно – выросли они не просто в одном городе, а на соседних улицах. Несколько вечеров в чате – и, наконец, Леночка согласилась встретиться.

До темноты они гуляли по паркам и храмам Киото, а потом поехали в лав-отель, прихватив по дороге в комбини¹⁰ по лотку суши.

Леночка выбрала спальню в стиле барокко, с роскошной кроватью под балдахин и позолоченной лепниной на потолке. В шкафу нашлись даже парики, бархатное платье с кринолином и неудобный, с множеством застёжек, камзол для Вани.

...От Ваниных поцелуев кружилась голова и подгибались ноги, это было так здорово, но тяжесть внизу живота была какая-то странная. Когда она превратилась в резь, Леночка мягко высвободилась из Ваниных объятий, сказала «Прости, милый» и скрылась за неприметной дверкой в углу. Умный японский туалет, соскучившийся в одиночестве, радостно поднял крышку, которая немедленно запуталась в пышных юбках.

Когда Леночка, наконец, справилась с задачей и вышла,

¹⁰ (от английского «convenience store») недорогой круглосуточный магазин, в котором продается почти все на свете: еда, алкоголь, сигареты, конверты, ручки, комиксы, видеодиски, простые лекарства и лейкопластырь, свежие рубашки и белье и даже женские колготки – на случай, если они порвались среди ночи.

Ваня, не обращая на нее никакого внимания, пулей пролетел мимо и скрылся за той же дверкой. Леночка села ждать. Вани все не было, а Леночка начинала понимать, что ей опять нужно, и уже срочно. Чтобы не терять даром драгоценного времени, Леночка разделась и, когда дверка открылась, скользнула в нее мимо удивленного Вани...

Так они и бегали по очереди всю ночь, и только часам к четырем утра, бледные, измученные и осунувшиеся, просто уснули друг у друга в объятиях.

Сейчас у них уже двое детей.

Твари дрожащие

Следователь Мещанского межрайонного следственного отдела Павел Петрович Порфиоров сидел в кабинете, читал «Преступление и наказание» и ругался про себя. Пристав следственных дел сердил его чрезвычайно. «И что он цацкается с этим Раскольниковым? Он же и место, куда краденое спрятал, уже указал, и фактически, признался, а этот все психологию разводит! Раскаяние ему, видите ли, подавай! Да под белы ручки студента и в „обезьянник“!» В понедельник дочери-десятикласснице предстояло писать в школе сочинение и она, желая «потроллить» учительницу, попросила папу указать на ошибки следователя в романе.

Стук в дверь заставил отложить книгу. «Войдите» – крикнул следователь и обомлел: на пороге стоял гражданин Родионов Роман Николаевич, ранее не судимый, 1992 года рождения, житель небольшого городка километрах в пятистах от Москвы, в который уже была послана ориентировка и предписание на его, гражданина Родионова, задержание в качестве подозреваемого по делу об убийстве гражданки Синявской Татьяны Семеновны, того же года рождения, уроженки того же города и даже бывшей одноклассницы Родионова.

Татьяна, начальник юридического отдела, состоящего из ровно одного человека – самой Татьяны, часто засижи-

валась на работе допоздна, оставаясь единственной живой душой, не считая вахтёра-охранника, в офисе. Задержалась она и вчера, а сегодня утром была найдена с проломленным затылком на своем рабочем месте, в одной из маленьких контор недалеко от метро «Достоевская». Смерть наступила около полуночи. Охранник, ветеран второй чеченской, был без сознания, на его столе стояла початая бутылка водки и два стакана. С одного из стаканов отпечатки пальцев были тщательно стерты влажной салфеткой, а во втором, и в бутылке (тоже протертой), нашли феназепам. Орудием убийства послужила ножка сломанного стула, валяющаяся там же, у будки охраны. Отпечатки с ножки тоже были удалены. В мусорной корзинке у рабочего стола был найден использованный презерватив, но жертва была полностью, хотя и небрежно, одета, а следов борьбы на теле не было. Получалось, что преступник – близкий знакомый Татьяны – пришел к ней на работу, а она обрадовалась настолько, что он совершил с ней половой акт, дождался, пока она оденется и снова сядет за стол в своем кубикле – и ударил ее дубинкой. Следователь поглядел бы на такое, но запись с камер оказалась повреждена. Доступ к записям имели только два человека: системный администратор и сын босса, он же начальник отдела внутренней безопасности. Был у него и мотив: он напористо ухаживал за Татьяной, обещая стремительную карьеру, пока Татьяна не намекнула его папашке, что девушка, с которой пополам она снимает хрущевку – трудовой ин-

спектор, а прикрывать задницу босса при проверках юридический отдел не подпишется.

Алиби сыночки оказалось железобетонным: за день до преступления он улетел за границу.

Впрочем, такой же мотив мог быть у почти всей мужской половины коллектива – девушкой она была красивой и умной, ко всем мужчинам относилась ровно, благосклонно принимая флирт «на грани», но чутко эту грань отслеживала. Вроде бы, в родном городе у нее были «постоянные отношения».

Очень быстро выяснилось (хвала ВКонтактекам!), что пару недель назад между ней и ее молодым человеком произошла ссора, и что он грозился убить какого-то (или какую-то) Сашку и, «если это правда» – то и Татьяну, в день убийства отправился в Москву, а теперь стоял в дверях.

– Проходите, присаживайтесь, – вежливо сказал следователь подозреваемому. Ну то есть пока еще подозреваемому, но дело было настолько кристально ясным, что Павел Петрович не сомневался: несколько формальностей и Роман Николаевич превратится в обвиняемого. – Вы чистосердечное признание пришли писать? Это правильно, убийство в состоянии аффекта, или из ревности, и первый раз... может быть, даже условно дадут...

– Ка... какое убийство? – удивление было разыграно настолько безукоризненно, что Павел Петрович цокнул язы-

КОМ:

– Что ж Вы дурачком-то прикидываетесь, Роман Николаевич? Гражданка Синявская убита сегодня ночью в помещении фирмы, в которой она работала... – следователь ловил себя на вкрадчивых, почти гипнотических интонациях Порфирия Петровича и злился, но ничего не мог с собой поделать.

– Таня?.. Убита?.. Этого же не может быть! – подозреваемый рухнул на стул, – Я же был у нее на работе вчера вечером... Кто ее убил?

– Да Вы и убили, Роди... онов Роман Николаевич, – с отращением к себе пропел Порфиоров.

– Я не убивал!

– Ну кааааак же не убивали... Вы проникли в помещение компании, убедив охранника выпить с Вами водку, в которую вы подмешали снотворное, поднялись к Татьяне Семеновне, между вами произошел разговор, в ходе которого, вы, очевидно, помирились, но потом снова произошла ссора и Вы ударили ее по голове ножкой стула. Разве не так?

– Нет, не так. Я пришел к Та...

– Стоп! – сказал следователь, доставая бланк протокола. – Раз не так, придется действовать официально. Вы не против того, что Ваши показания будут зафиксированы на видеозаписи?

– Нет...

– Итак, расскажите, как вы провели вчерашний день.

– Ну, с утра я пошел на работу, освободился около четырех часов и поехал на машине в Москву...

– С какой целью?

– В командировку. И Таню увидеть...

– Когда вы прибыли в Москву?

– Вечером. Позвонил Тане, она сказала, что все еще на работе, поехал сначала к ней, мы поднялись к ней наверх и... –

Роман замялся

– Я знаю, чем вы там занимались, мы нашли... следы...

В какое время вы встретились с убитой?

– Около десяти вечера она спустилась, чтобы провести меня через вахту, – это подтвердилось записью в журнале посетителей, отметил про себя следователь, но отметки о времени выхода не было.

– А чтобы вывести Вас из здания, ей тоже пришлось спуститься?

– Конечно, у них же там охрана.

– То есть, когда Вы выходили из здания, Татьяна была еще жива?

– Разумеется. Она меня даже поцеловала на выходе.

– Когда это случилось?

– Без четверти двенадцать.

– Кто может это подтвердить?

– Сашка грязные сплетни про нее и про меня распускал.

Что она в Москве спит с ним, а я дома – с ее подружкой.

– Кто такой Сашка?

- Компьютерщик у них в конторе, он тоже из нашего города, учился с моим братом, на три года старше нас.
- Воронов Александр Васильевич, 1989 года рождения?
- Вроде, Воронов, а отчества не знаю. Я с ним почти незнаком.
- Вы встретились с убитой, чтобы помириться?
- Нет, мы все выяснили почти сразу, я извинился за то, что ревновал. Глупо это, на самом деле... не должен я был на сплетни вестись, он же нас поссорить хотел...
- Вы встречались вчера с Вороновым?
- Я заглянул к нему в каморку, но его не было. Спрятался куда-то, наверное... И правильно, а то бы в морду получил...
- Вы уверены, что он был в здании?
- Нет, не уверен, но было не заперто и свет горел. Даже экран заблокирован не был...
- Хорошо, куда вы отправились потом?
- В гостиницу.
- Почему не домой к Татьяне?
- Она снимала квартиру пополам с подругой. У них был договор, что мужиков к себе не водят.
- А что вы делали сегодня?
- С утра поехал по делам. Звонил Тане, но телефон не отвечал. Мы договаривались вчера встретиться за обедом, но она не пришла. Я позвонил ей на работу, и мне сказали обратиться к Вам...
- Роман Николаевич, Вам придется на некоторое время

задержаться в Москве. Распишитесь, пожалуйста, здесь...

Следователь придвинул к себе папку с делом, нашел протоколы допросов свидетелей на месте происшествия. Воронов... ушел с работы, по его словам, около семи, система учета времени показывает 7:06, но он же сисадмин... с камерами какой-то странный технический косяк, разбираемся... нет, уличные камеры не наши...

В кабинет заглянул Славик, практикант.

– Павел Петрович, изъяли мы записи с уличных камер наблюдения, я привез...

– Садись, Славик, поглядим, что там у них ночью было... Стоп! 22:10, гражданин Родионов проходит в здание... 23:45... Опять гражданин Родионов и гражданка Синявская, живая и здоровая... действительно, целует его на прощание... что же это получается? Кто ж тогда ее убил-то? Таааак... а это кто? Неужто Воронов? Водку у таксиста покупает?? Славик, хватай машину, а я бегом к начальству, ордер подпишу – и поедем за Вороновым!

– Вот предписание о взятии Вас под стражу по обвинению в убийстве гражданки Синявской, – следователь протянул Воронову бумагу, – Ознакомьтесь.

– Я не убийца.

– А кто же?

– Я покажу, – сисадмин повернул к следователю монитор, на котором проигрывалась удаленная с камеры запись, – Вот.

– Вы стерли запись с камер наблюдения, Вы напоили охранника, Вы про время ухода с работы лгали, отпечатки стерли... Зачем все это?

– Чтобы Ромку посадили. Он хлюпик, не выдержал бы, признался, если бы в тюрьму попал.

– В следственный изолятор, – машинально поправил Порфилов, – А Вам-то это зачем... теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.